

РЕПОРТАЖ

Новый старый МХАТ

Строители покидают здание МХАТ в проезде Художественного театра, уступая место наладчикам оборудования. В канун 70-летия Октября строители вернутся сюда, сменя спецовки на выходные костюмы: они будут первыми зрителями обновленного старого МХАТ.

Окажись здесь сегодня Федор Шехтель — великий зодчий эпохи модерна, перестроивший это здание, — он был бы доволен. При завершении отделочных работ проявилось неяркое, но важное достоинство архитекторов института Гипротеатр — их тактичное отношение к созданию своего выдающегося коллеги.

Вот два смежных зала — старый буфет и новый, пристроенный в ходе реконструкции. Старый — «чайная», как фамильярно именуют его строители, — на днях украсилась великолепной росписью. Плавные пересекающиеся линии с крутами и квадратами покрыла своей сетью стены и потолок — вот он, редкий в наши дни образец живописи в стиле модерна.

В помещении нового буфета — сдержанное оформление, тонированные черные панели буфетных стоек скромно, ненавязчиво стилизованы под пышность «соседнего» модерна. Становится понятной цель архитекторов: не спорить с зодчим начала века, стремясь превзойти, а деликатно отнестись его мастерство. Эту задачу авторский коллектив решил.

Не выставлять себя напоказ — тоже умение, для которого требуется культура. Отсюда, что здесь она присутствует. Потому и сберегла старинное фойе — некогда холодное, неуютное. Теперь здесь будет тепло. Старая тесная касса переселяется в более просторное помещение. Но, зная приверженность москвичей к традициям (а МХАТ — хранитель традиций), архитекторы сохранили кассовую клетку, только теперь в этом киоске будут продаваться программы перед спектаклями.

Вместо давних складов и венткамер первого этажа — новый гардероб. Его потолок расчленен узкими балочками, которые были прорезаны тон-

кими желобками-каннелюрами. И эти желобки восстановлены.

Старое и новое — это лейтмотив реконструкции. Говоря о возрождении МХАТ, мы чаще упираем на старину, на то, что создано Шехтелем. А между тем реконструкция — все же в большей мере новостройка. Из 120 тысяч кубометров обновленного театра лишь 20 тысяч приходится на старое. Все остальное выстроено заново. В том числе малый зал, репетиционный зал, административная часть, артистические уборные. По существу целый новый театр, только спрятавшийся за фасадом старого.

Помню, несколько лет назад мои друзья студенты устранились сюда осветителями — отличная возможность просмотреть весь репертуар. Боюсь, у нынешних студентов ее уже не будет. Потому что традиционный осветитель, вращающий «головы» массивных прожекторов, остался в прошлом. Вхожу в помещение светорегуляторной. Тщательно вытираю ноги у порога: здесь лабораторная чистота. Наклонная панель управления, пульта с цветными ручками, строгие экраны дисплеев... Так выглядит компьютер многопрограммного управления освещением сцены. Электронный мозг следит всего лишь за цветом и интенсивностью света. А поворотами и направлением лучей прожекторов командует система дистанционного управления.

Вообще чудеса театральной техники делают старейший общедоступный театр Москвы самым передовым в мире. Мог ли подумать купец Лянозов, приобретший ветхий дворянский особняк в Камергерском проезде, что через какие-нибудь сто лет под сводами его кабаре разместится АСУ с 2000 программами в па-



мяти? Да что там Лянозов, далекий от театральных страстей! Думаю, что самому Станиславскому не снились фурики, которые за 30 секунд могут сменить декорации. А что бы сказал Немирович-Данченко, увидев подвижный горизонт: пейзажный задник способен сматываться с одного барабана на другой, создавая иллюзию движения.

Кстати, память об основателях Художественного театра будет любовно сохранена. Артистическая уборная Станиславского из снеженной ветхой части переносится на место прежнего гардероба. Теперь она окажется совсем рядом с кабинетом Немировича-Данченко. Несколько шагов по воздушному переходу — и попадаем в музей театра, который, переселившись на два этажа ниже, образует вместе с двумя кабинетами основателей мемориально-музейный комплекс.

Завершаю преждевременную экскурсию на третьем этаже. Большой зал, размещенный под самой коробкой венткамеры, скоро объявится надписью: «Фойе с возможностью курить». Никакой откровенной борьбы с никотином, а скрытая ирония, подтекст, столь характерные для мхатовской стилистики. После сизых клубов табачного дыма вернешься в зал, а там кондиционированный воздух. Сравняй и размышляй.

Уходя, увидел, как плотники пригоняют панель бокового гардероба. Театр вопреки поговорке кончается великокой.

С. КАШНИЦКИЙ.

Фото Ю. ЕЛИСЕЕВА.